

Надежда Васильева: "Я никогда не буду строить дворец"

Актеров знают все, режиссеров - многие. Некоторые особенно эрудированные могут назвать 2 - 3 фамилии операторов, а что мы, зрители, знаем о художниках по костюмам в кино? Да практически ничего. Работа художника по костюмам остается для нас "за кадром", как и работа гримеров и художника-постановщика.

Надежда Васильева закончила Мухинское училище. Сегодня она - лауреат "Ники" и "Зеленого яблока". Надя работала с Виктором Титовым, Ежи Гофманом, Дмитрием Месхиным. Но наиболее интересным оказался ее творческий (и человеческий) тандем с самым стильным петербургским режиссером Алексеем Балабановым.

- Надя, как вы познакомились с Алексеем Балабановым?

- Я всегда хотела работать с молодыми режиссерами, которые страстно мечтают что-то сделать. Когда я посмотрела фильм Балабанова "Счастливые дни", то подумала: "Вот с ним я хочу работать". Оператор Сергей Астахов познакомил меня с Лешей, но вначале я ему не понравилась. Он мне потом сказал - единственное, что было во мне прилично, это то, что на мне была юбка, а не брюки.

Тем не менее я сделала ему эскизы для фильма "Замок". Он посмотрел и сказал: "О, девушка, вы и рисовать не умеете". Я губу закусил и подумала: "Все равно я тебе все перерисую". У меня был день рождения, а в семь утра он улетал в Роттердам. Я рисовала всю ночь.

- Неужели после таких жертв он не взял ваши работы?

- Ровно в семь утра я пришла к нему в жуткую коммуналку и подумала: "Вот нормальный режиссер, мне нравится, как он живет". Он посмотрел эскизы и говорит: "Все равно не умеешь рисовать. Чуть лучше, но это же не люди, а уродцы какие-то". Но в Роттердам полетел с моими рисунками. А когда вернулся, то мрачно произнес: "В Германии сказали, что если кино будет таким, как твои эскизы, то деньги дадут".

Позднее, уже на съемках в экспедиции, он мне сказал: "Знаешь, режиссеры частенько меняют своих жен. Пора и мне поменять". Я ему ответила: "Поменяй". И Леша сделал мне предложение.

- Надя, во время работы над фильмом от вас многое зависит?

- Нет. Все зависит от режиссера - даже при условии, что будет хороший оператор и команда. Если режиссеру нечего сказать миру, фильм не получится, разъедется по швам, размажется. Его не спасут ни красивые костюмы, ни мастерская работа оператора. Даже участие в картине талантливых артис-

тов - еще не залог успеха.

- Вам интересно проходить все этапы работы с Балабановым?

- Безумно интересно. Ведь когда еще сценария нет, я начинаю думать о будущей картине, мечтать, делать первоначальные эскизы. Потом Балабанов говорит: "Только, пожалуйста, ничего лишнего. Никаких воротников, ничего не надо. Мне надо обыкновенно и просто".

Он может ругать, пилить меня, но всегда ко мне прислушивается. Мне с ним очень хорошо, очень интересно везде и всегда. Наверное, можно сказать, что я счастливый человек, ведь у меня есть любимый муж, сын, работа, которую я просто обожаю. Я чувствую себя абсолютно защищенной и дома, и в жизни.

У меня сейчас нет врагов

- Воспитание сына - это тоже совместное творчество?

- Сын меня практически не слушается, может капризничать, а вот папа для него непрекрасимый авторитет. Они живут своей особой мужской жизнью, ходят в кино, в зоопарк, гуляют.

- У вас есть любимые актеры-модели? С кем интересно работать?

- Люблю одевать Лику Неволину, Витю Сухорукова, Сергея Маковецкого. Когда Сергей Маковецкий приехал на съемки "Трофима", в футболочке песочного цвета и в брюках того же тона, то сразу же сказал капризным голосом: "В поездке яичницу приносили, капнуло. Я теперь буду с пятном ходить".

Думаю: "Так. С пятном приехал и уже всех задолбал этим пятном. Что же с костюмом-то будет, господи? Как я его буду одевать?"

Но когда привела Мако-

вецкого в костюмерную и начала его одевать, то вдруг увидела, что он схватывает на лету, ему все нравится. Мы ему нашли сапоги настоящие, здоровые, которые были деревянными гвоздями подбиты. Он их надел и говорит: "Вот, от этого образ рождается. У меня будет такая походка". Вот он стал ходить, а дальше уже все как по маслу пошло. Порой нужна какая-то деталь, от которой можно дальше плясать.

- Надя, у вас есть любимая эпоха? Направление?

- От фильма к фильму мои пристрастия меняются. До "Замка" я очень хотела поработать с готикой, средневековьем. Потом этого стало так много. Сейчас мне интересно время 1914 - 1915 годов, когда женщина вдруг становится немножко смешной: юбка чуть-чуть укорачивается, затянутая в корсет фигура уходит в прошлое, талия чуть-чуть поднимается, а изящные и маленькие шляпки надеваются набекрень. И они все такие смешные: губки бантиком, глазки подведены почти до бровей, под глазами - синева, как свидетельство богемной ночной жизни... Очень нравится смотреть хронику, где они еще так быстро ходят. Совсем как заводные куколки. Кто бы такое кино снял?!

- А как складываются отношения с театром? Есть ли какие-нибудь театральные пристрастия?

- Когда я училась в институте, мне очень нравились левые изыскания режиссеров и художников. Нравились спектакли, которые ставились в каких-нибудь подвалах. Все было ново, хорошо, здорово. А сейчас я хочу ходить в Мариинский театр, чтобы там были бархатные кулисы - красные с золотом. Подсвечники, настоящие бронзовые канделябры, все было в роскошных платьях и пели золотыми голосами. А когда сцена затянута холстом, в центре стоит коряга, вокруг которой все ходят - либо голые, либо в мешковине, - мне скучно. Я люблю оперу - чтобы все сверкало, переливалось...

- Вы хотите в театре праздника?

- Да. А в кино я хочу реальности. В кино я не люблю нарочитой театральности.

- "Брат-2" породил своего рода "братоманию" в стране...

- Слава "Брата-2" нас с Лешей не коснулась. Она касается в основном актеров, их хочет видеть публика - на концертах, презентациях, фестивалях. Мы совсем не тусовочные люди.

- Нетусовочные люди - это принципиальная позиция?

- Существуют обособленные тусовки, которые не общаются между собой и не пускают никого в свой клан, считая себя особенными, избранными. Я и сама была такой до драматических событий, произошедших на съемках фильма "На краю земли". Теперь я думаю, что все должны общаться, быть открытыми друг другу. И быть вместе. Сейчас я по-другому стала относиться ко всему. Я всех люблю. У меня сейчас нет врагов. Даже тех, кто мне не нравился, я рада теперь увидеть, рада узнать, что они просто живы. Мне все интересно. Люди, их мысли. Все важно - нет избранных, все равны, каждый человек уникален.

- В вашей семье два художника. Можно ли сказать, что у вас похожие художественные пристрастия?

- Совсем нет. Леша любит хороших классических художников. Его любимый художник Айвазовский, а я люблю Филонова и Модильяни.

- А на обычную жизнь, на быт, обустройство дома у вас тоже противоположные взгляды?

- Когда у нас возник разговор о том, что надо поменять квартиру, потому что потолок протекает, антенну срезали - телевизор не работает, я на это ответила: "Филонов такой классный художник, а ведь умер от голода, но ни одной своей картины не продал".

Я не говорю о том, что надо жить в нищете. Но я никогда не буду строить дворец, потому что не хочу. Леша тоже не хочет и не будет этим заниматься. Он просто не хочет, чтобы штукатурка на меня падала.

И потом, я уверена, что существует прямая зависимость между талантом и благосостоянием. Если благосостояние улучшается, то прямо пропорционально уменьшается талант, данный тебе от Бога.

- Значит, роскоши вам не надо?

- Я боюсь, когда что-то очень улучшается. Другим запрещают, делают что хотят - стройте замки, ломайте стенки, делайте арки, навесные потолки, канделябры вешайте. Я не смотрю на вас, я отвечаю только за себя.

Беседовали Елена СУНЦОВА, Елена ФОМИНА

Спец. 14 февраля 2001 г., № 30 (22820) - 07